

*С. П. Иваненков, А. Ж. Кусжанова
(СПб филиал им В. Б. Бобкова РТА)*

ПРОТИВОРЕЧИЯ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Авторитет и эффективность того или иного социального института, будь то институт семьи, образования или общественной традиции, будет срабатывать лишь в той мере, в какой устойчивые ценностные ориентации будут реализовываться и функционировать в конкретном типе деятельности, в жизни общества и поведении индивида.

В школу ребенок попадает из семьи, и на начальном этапе именно семья определяет дальнейшую судьбу человека-школьника. Взаимовлияние семьи и школы – сложный процесс, включенный в еще более сложную систему общественных отношений. Претензия школы заменить собой занятую в производстве семью не состоялась. И хотя современная школа все в большей степени (через систему теперь уже дополнительного образования) расширяет свою экспансию в пространство жизнедеятельности подрастающего поколения, но результат все дальше отстоит от желаемого.

В советское время школа, призванная в деле социализации молодежи стать соратником, помощником и даже заместителем семье, в первой половине XX века получила очень большие социальные полномочия. Она сосредоточила в своих рядах большой контингент образованной интеллигенции, превратившись в неграмотной послереволюционной России в островки культуры, доступные каждому. Она выполнила свою великую роль в культурной революции, воспитав новое поколение советских людей. И если перефразированно применить здесь оценку Бисмарка, то можно без колебаний сказать, что в Великой Отечественной войне победил советский учитель. Советский учитель зажег и зарю космической эры.

Однако начиная с 70-х годов школа последовательно сдавала свои позиции. Уже перестав быть флагманом социализации и вернув семье отнятые было у нее ведущие позиции, школа между тем не сумела рефлексивно отнестись к происшедшей перемене мест. И ныне «мало можно назвать мест, где человек подвергается такому унижению, как в школе в качестве родителя. Приступ аллергии начинается у многих от одного только учительского голоса: “Ваш ребенок...” Обратите внимание на тон учителя и позы родителей» (*Воробьев Г.Г.* Легко ли учиться в американской школе? М., 1993. С. 117). Соотношение «соратники-противники» между школой и семьей было исторически конкретным маятником, который склонился во вторую сторону, добывая как авторитет школы, так и абсолютизацию вторичной социализации.

Но пробуксовывание социализации было понято школой по-своему – как недостаточность импульса ее воздействия. В ответ появляются новые педагогические профессии – педагог дополнительного образования и социальный педагог. Идея этих новых педагогических мест была подсказана намерением усилить мощностность круга социализаторов за счет привлечения представителей других профессионально-деятельностных сфер, вывести общение детей за пределы круга учительства. Но места были созданы, а на них опять оказались... традиционные школьные учителя.

Вынужденная или не до конца осознанная в своих социальных последствиях профессионально-педагогическая экспансия в жизненное пространство детей, охват его еще и структурами и формами «дополнительного образования» в сочетании с профессиональным снобизмом и сепаратизмом педагогического корпуса окончательно сузили социальное пространство воспитания. Учителя практически полностью вывели из него все остальное общество, породив явление школоцентризма и сняв с общества остатки ответственности за воспитание, обучение и образование подрастающего поколения.

При этом за скобками оказалось понимание, что наше действующее ныне учительство – это в недавнем прошлом советские люди, и образование, в силу консервативности этого института, в большей мере еще настроено на воспроизводство если не ценностей, то по меньшей мере методов тех лет. Здесь имеется в виду внутреннее противоречие этой ситуации, заключающееся в том, что тогда господствовала культура *постфигуративного* типа, по М. Мид: дети учились у старшего поколения, на этом стояла и продолжает стоять современная школа. А между тем наше современное общество уже выпало из прежних культурных рамок и попало в ситуацию третьей, *префигуративной*, формы культуры, где дети учат взрослых, гораздо быстрее осваивая принципиально новый мир. Школа при этом со старыми установками неизбежно остается в аутсайдерах.

Плюс к тому отметим, что издревле всякое предшествующее поколение передавало через образование опыт, а сейчас опыт заменен знаниями. Поэтому даже тот опыт, который можно было бы передать детям, они уже не воспримут. Воспитание оттиснуто на второй план и в школе, и на улице. В постсоветской России смена педагогических ориентации на узкопредметную передачу знаний и бегство от задач воспитания сначала были поддержаны лозунгами деполитизации и деидеологизации школы, а затем – низкой финансовой обеспеченностью системы образования и желанием на всем сэкономить. Все это превратило прежних педагогов и социализаторов в учителей-предметников. В итоге социализовать новое поколение стало некому.

При дальнейшем развитии этих тенденций без особой прозорливости можно будет прогнозировать не просто выпадение школы из числа социализующих институтов (что объективно было бы меньшим злом, но это невозможно, ввиду того что школа является основным местом деятельности и функционирования молодежи достаточно большого возрастного интервала), а вырождение школы в фактор негативного влияния на процесс приобщения человека к обществу через трансляцию социальных ценностей.

Известно, что исторически конкретные формы образования как института социализации зависят от ряда детерминирующих факторов, но никогда оно настолько не дистанцировалось от задач воспитания, как это произошло в конце XX века. К примеру, в христианских (и не только) странах, особенно протестантских, система образования наряду с семьей всегда оказывала большое влияние на жизненные ориентации индивида, преимущественно своей установкой на успех, усилие и конкурентную борьбу. А что наше образование, на что ориентирует сегодня? Дает профессию? Знания? Чему учит человека? В лучшем случае, образно говоря, хлеб зарабатывать. Но добыча пропитания еще не гарантирует человека, животное тоже умеет это делать. Если же понимать образование как формирование поколений, ответственных за судьбу своего общества, продолжающих и развивающих его существование, то сегодня оно много потеряло по сравнению с предшествующими веками и в настоящее время продолжает терпеть поражение.

Одним из первых на это обратил внимание социолог Д. Белл, отмечавший, что в постиндустриальном обществе профессиональная деятельность и досуг подчиняются различным моральным установкам. В труде индивид, как и прежде, следует нормам аскетизма и стремится быть рациональным и эффективным, тогда как досуг все чаще ориентирует его на творческое самовыражение и получение удовольствий. В традиционном обществе разрыв между этими двумя сферами жизни был характерен для крупной буржуазии, в современном обществе он

относится ко всем социальным классам (*Bell D. Contradictions culturelles du capitalisme*. P.: PUF, 1979. С. 213).

Проблема современного образования сегодня кроется в том, что в период социальных модернизаций оно оказалось не в состоянии отразить свои основания и избрать адекватную линию своего движения. Идя традиционными путями, оно оказывается не в силах вписаться в новые социальные процессы, теряя свое значение и становясь ненужным. Пытаясь просоответствовать новым общественным реалиям, оно бросается в новации, которые не в состоянии осмыслить с позиций их значения для социума. Результат получается еще хуже – оно становится социально опасным. Большинство образовательных новаций, имея авторство в не обремененной социальной грамотой педагогике, плохо соотнобразуются с базисными общественными процессами. Усугубляет эту ситуацию недостаточная изученность последних и невыработанность правил адаптации предлагаемых в образовании шагов и решений к имеющимся общественным характеристикам. Поэтому лучшие побуждения в образовании оказываются либо нереализуемыми, либо необеспеченными, либо оборачиваются совершенно неожиданными и чаще негативными последствиями. В результате углубляется, приобретая масштабность и системность, кризис образования, социализации, кризис общества.

Преодолеть существующее недоверие молодежи к устоявшейся ценностной системе можно лишь при условии совмещения интересов и возможностей поколений. Однако теперь мы не в состоянии передать новому поколению не только свои прежние социальные ценности – от большинства из них мы сами отказались (далеко не всегда на разумном основании), но даже свой социальный опыт, поскольку он формировался и отбирался в соответствии с ними и не работает в другой системе – ни деятельности, ни аксиологической.

А между тем социализационный процесс никогда не стоит на месте. Не подозревая, что занятому проблемами обществом сейчас явно не до них, подрастают и формируются новые граждане России. Объективная ситуация уходит из-под контроля, и без специального управления она становится стихийным и непредсказуемым процессом. Надежду, что у нас не повторится 1968 год во Франции, питает только то, что в социально-политической апатии пребывает не только значительная часть населения, но и значительная часть молодежи. Но для управления у нас все равно не хватает ресурсов, в первую очередь интеллектуального: нет диагностико-аналитической информации, явно недостаточен концептуальный и модельный запас теории образования, практически не проводятся необходимые социологические и иные исследования, уровень имеющегося осмысления проблем далек от необходимого и т.п. Что же касается дефицита материально-технического ресурса для реформы это-

го главного социализующего института, то об этом говорят все. А вот о чем не говорят, так это о дефиците научности, обрекающем этот путь на блуждание впотьмах и который есть гораздо большее зло, которое будет постоянно ухудшать это состояние и обречь на топтание на месте и латание прорех.

Поэтому нужны (и даже срочно) целевые комплексные программы, включающие в себя исследования и проекты (социологические, социально-психологические, педагогические, различные содержательно-теоретические и др.), управленческие и оргдеятельностные разработки, внедренческие мероприятия и т.п. Конечно, в полном объеме и на должном уровне эта задача посильна только государству. Но уже в плане местной инициативы можно и нужно работать со всеми социализующими институтами – системой образования, СМИ, учреждениями культуры и т.п.

Однако все равно реальность демонстрирует, что противоречивые процессы современного развития *принципиально* снизили воспитательные возможности семьи, окружения, школы. Проблем и трудностей в этот процесс добавляют своеобразные процессы, разрушающие семью как основную инстанцию социализации. В силу причин внутреннего и внешнего порядка в кризисе находится система образования. Уменьшение числа живых человеческих связей и их возрастающая социальная формализация, перемалывание традиционных коллективных укладов современными социально-политическими и управленческими «инновациями», урбанизация городов и умирание сел уничтожают позитивное социализующее влияние общественной среды. Таким образом, традиционные институты социализации уже не справляются с возложенными на них обязанностями, не отвечают своему социальному назначению.

Естественным выводом из сказанного является необходимость усилить механизмы современной социализации за счет создания новых возможностей. То есть социализация теперь, как и большинство современных процессов больших политических масштабов, настоятельно демонстрирует объективный переход современного общества к *инновационному типу развития*. Что означает переход к кардинально новым и управляемым, специализированным, нередко институционально отстроенным и профессионализируемым формам социальной деятельности. Эти формы базируются на знании фундаментальных социальных процессов, что с необходимостью требует фундаментальных исследований, а также на проектных разработках производственной и управленческой деятельности нового типа. Без перехода к инновационным формам деятельности общество не сможет далее разрешать уже возникшие перед ним проблемы и бороться с кризисными явлениями. Поэтому осознает оно этот переход или нет, желает его осуществлять или нет, но для обеспечения своего дальнейшего существования оно обязано будет с этим считаться, или современные процессы развития его похоронят.

Поэтому в процессе социализации новых поколений сейчас к трем его традиционным «китам» – семье, «улице» и школе – добавился новый, инновационный, институт – государственная молодежная политика. Посредством нее работа с молодежью все более выделяется в специальную социально-политическую сферу, в социально-государственный институт, на который возлагаются особые социальные задачи. Однако, чтобы он мог соответствовать своему назначению, в России его еще предстоит строить.